

Пролог

По календарю уже была середина марта, однако весенней капелью даже не пахло. Снега навалило столько, что его едва успели убрать с центральных проспектов, во дворах до сих пор не могли разъехаться автомобили из-за опасно сузившейся проезжей части, а пешеходы вынужденно лавировали между сугробов.

Термометр утром показывал минус двадцать, к вечеру стало ещё холоднее. Руки и ноги Кречетова окоченели, однако он дал себе слово, что не передумает и обязательно выполнит то, что задумал.

Иначе... иначе убийца его дочери покинет страну, и Кречетов, ставший невыездным сразу после первой «командировки», уже не достанет проклятого мажора. Папочка спрячет его так, что ни одна собака не найдёт. Даже отставной подполковник спецназа МВД...

Когда сына арестовали, Ланской-старший — олигарх местного разлива, пытался купить следака. Тот оказался принципиальным, денег не взял. Тогда Ланской через свои связи добился, чтобы следователя сменили на более сговорчивого. Правда, развалить дело не получилось, слишком большим оказался общественный резонанс, и оно, пусть со скрипом, но дошло-таки до суда.

Олигарх нанял шайку ловких адвокатов, те во время процесса придирались к каждой букве обвинительного заключения, искали нарушения там, где их не было и быть не могло. В итоге мажора признали невиновным и отпустили на свободу.

В тот день Кречетов понял: хочешь добиться справедливости — сделай это сам.

Ещё с последней поездки в одну очень горячую во всех смыслах слова страну он привёз несколько пистолетов, включая китайский ТТ, и схоронил в тайнике. Просто так, на всякий случай, даже не подозревая, что этот случай представится так скоро...

Кто ж знал, что его единственная радость и отдушина в этой жизни — дочка Катя, в один далеко не прекрасный день вдруг начнёт встречаться с холёным и богатеньким буратино — Анатолием Ланским, сыном, как обычно говорят, «того самого»? И что этот роман закончится ссорой и убийством Кати, его Кати...

Соседи прибегут на крики и застанут мажора, рыдающего над телом мёртвой девушки. Руки его будут обогреты кровью, а на ноже, глубоко всаженном в сердце Кати, эксперты обнаружат отпечатки пальчиков Толи Ланского. Соседи же вспомнят, что слышали, как за пару часов до убийства пара скандалила, а крики разносились по всему подъезду.

Ланского-младшего задержали, дело попало в руки начальника убойного отдела полковника Бугрова. Они с Кречетовым хорошо знали друг друга ещё с учёбы в академии МВД. Тогда Бугров пообещал, что убийца окажется за решёткой, но клятвы не сдержал...

Выследить уroda было не так уж и сложно. Скоро Кречетов собрал на того полное досье и изучил все его привычки. Сегодня эти знания пригодились.

Вот он, проклятый мажорчик — восемнадцатилетний сопляк, студент первого курса престижного университета. Подкатил на дорогом чёрном джипе к парковке возле спортшколы, куда четыре раза в неделю ходит, чтобы махать руками и ногами, изображая из себя рукопашника. Кречетов успел насмотреться на таких, ещё когда служил.

Двигатель затих, хлопнула водительская дверца. Папаша, видать, совсем расслабился, решив, что его родной

кровиночке в городе больше ничего не угрожает: уже две недели парень катается без шкафа-телохранителя.

После того кошмара на суде Кречетов нарочно вёл себя тише воды ниже травы, чтобы никто не подумал, что он задумался о самосуде. Кажется, все в это поверили. Правда, не так давно Ланскому-старшему взбрело в голову отправить сына от греха подальше за границу, и Кречетову пришлось форсировать события.

Само собой, телохранитель его бы не остановил, однако недавний «краповый берет» не привык убивать невиновных. Зачем брать такой грех на душу? А вот насчёт Толи сомнений у Кречетова не возникало. Подонки заслужили пулю, когда взял в руку нож и воткнул острое лезвие в девочку — его девочку. Да, Катю это не воскресит, но стрелка на весах справедливости этого мира хоть чуть-чуть качнётся в правильную сторону.

Дальше... Дальше Кречетова будут искать, однако его сослуживец, давно обязанный ему жизнью, подтвердит, что тот весь день находился вместе с ним в гараже — возился в стукнувшем движке старенькой «Нивы». Какое-никакое, а всё ж алиби.

Прежде чем пойти на страшное дело, «краповый берет» тщательно изучил схему расположения видеокамер в районе и добрался сюда так, чтобы не попасть в поле зрения ни одной из них. Сотовый он не просто вырубил, а ещё и заранее вытащил батарейку и сим-карту. Если полицейские поинтересуются (а они обязательно поинтересуются), почему его телефон всё это время находился вне сети, ответ будет простой, как лом в разрезе: разрядился, падлюка. А что, с вами такого не бывает? И, конечно же, сразу после «дела» Кречетов обязательно приедет в гараж и будет долго и старательно копать в моторе: обставляться, так по полной.

Толя Ланской со спортивной сумкой в руках уже покинул тёплое нутро джипа и заспешил по расчищенной дорожке к зданию спортивной школы, покрытому мозаикой пластиковых фальшпанелей, изуродовавших облик

этого архитектурного сооружения. Кречетов помнил, каким оно было прежде — красивым, выстроенным в духе сталинского ампира, до которого только-только начала добираться хрущёвская борьба с архитектурными излишествами. Сейчас же, благодаря облепившим дом со всех сторон пластиковым «заплаткам», он превратился в красочную, но всё-таки коробку, растеряв былой лоск и имперскую солидность.

«Пора», — решил для себя Кречетов. Взял пистолет и шагнул к приближавшемуся Ланскому.

Тот шёл, опустив голову, и не замечал никого и ничего вокруг. Лишь в последний момент словно что-то почувствовал, приподнял подбородок, чтобы уткнуться взглядом в наставленное на него дуло ТТ.

— За что? — успел спросить Ланской-младший, прежде чем Кречетов нажал на спусковой крючок.

Пистолет изрыгнул из себя небольшой столб пламени и кусочек свинца. Пуля угодила прямо в лоб парню — отец, потерявший дочь, стрелял наверняка. Тело, уже переставшее быть живым человеком, качнулось и упало.

Кречетов отшвырнул ставший теперь ненужным ТТ и, надвинув на голову капюшон спортивной куртки, быстро побежал прочь отсюда. Он прекрасно знал, что на стволе, магазине и тем более пулях (а так иногда прокалывались некоторые киллеры) нет его отпечатков. Камеры его не зафиксируют, случайные свидетели не опознают. В подворотне снял с себя куртку: пусть в таких ходят тысячи, от неё всё равно нужно избавиться.

Где-то через час он уже был в гараже. Сослуживец вопросительно посмотрел на него.

— Порядок, — только и нашёл, что сказать Кречетов, и больше не проронил ни слова.

Они долго возились с «Нивой», а ближе к вечеру он приехал домой и включил сотовый. На экране высветилась куча пропущенных звонков. Сразу несколько от Бугрова. Понятно, у полиции появились вопросы... Это естественно. Он — первый подозреваемый в убийстве.

Подполковник набрал номер.

— Привет. Ты мне звонил. Что-тостряслось?

— Стряслось, — голос Бугрова был какой-то расстроенный. — Мы нашли убийцу твоей Кати.

— Убийцу? — хмыкнул Кречетов.

— Да. Помнишь, я тебе говорил, что мы так и не смогли найти её смартфон?

— Ну, — буркнул в трубку Кречетов.

— Так вот, тут вчера один хмырь сдал телефон в купку. Там работает мой человечек, он сообщил мне, мои парни взяли этого хмыря, стали крутить. А тот взял вдруг и раскололся: ты представляешь, это сосед Кати, он, кстати, и вызывал полицию. В общем, Ланской не врал: парень действительно поругался с твоей дочкой и выскочил на улицу, чтобы успокоиться и прийти в себя. А соседу банально не хватило бабок на наркоту, он уже давно торчал, только был очень аккуратным, гад, никто даже не подозревал. В общем, эта сволочь, когда ругань прекратилась, решил, что в квартире никого нет. Сунулся, а там Катя. Он с перепугу схватил кухонный нож и всадил ей в грудь. Потом пришёл Ланской-младший, пытался помочь Кате, но было уже поздно. От неожиданности наоставлял везде свои пальчики и перепачкался в крови. Такая, в общем, история...

— А этот твой сосед — он, случаем, не врёт? — осторожно спросил Кречетов.

— А смысл?

Кречетов не видел собеседника, но прекрасно представлял, как тот на другом конце «провода» пожимает плечами.

— В общем, совесть его загрызла, вот он и дал признательные показания. И да, я очень надеюсь, что ты не при делах: Анатолия Ланского застрелили четыре часа назад. Ты никуда не уходи, пожалуйста. За тобой скоро приедут.

— Буду здесь, — пообещал Кречетов.

Его жизнь только что потеряла смысл. Он убил невинного. Застрелил вот так, ни за что ни про что. Насто-

ящий злодей тем временем сидит в камере и точно уже не отвертится.

Стало хреново, очень хреново. Даже когда он узнал о смерти дочери, ему не было так плохо. Душа выворачивалась наизнанку. Хотелось упасть на четвереньки и завывать.

Кречетов посмотрел на встроенный в стену сейф. Там хранился ещё один пистолет — на этот раз вполне официальный, наградной ПМ, полученный из рук самого министра.

— Прости, Толя!

Отставной спецназовец принял последнее решение: открыл сейф, достал «макаров», взвёл его и, поднеся к виску, нажал на спусковой крючок.

Часть I

Глава 1

— Прости, Толя!

— Что?

Я будто вынырнул из какого-то ночного кошмара, в котором в меня стрелял отец моей Кати. Стрелял, чтобы убить, и почему-то мне показалось, что у него всё вышло. Я словно исчез, этот факт зафиксировался — даже не знаю, как это назвать — в разуме, душе.

Но вроде всё обошлось, раз слышу обращённую ко мне речь. Сбивало с толку лишь то, что человека, назвавшего меня по имени, я видел в первый раз.

Мужчина лет сорока, с умным интеллигентным лицом и бородкой, я прежде видел такие на дореволюционных фотографиях. В барбершопах стригут иначе, под хипстеров и прочих неформалов. Он мне показался похожим на университетского преподавателя: солидный, представительный, в строгом костюме. Явно при деньгах. У меня глаз намётанный: то, что костюм сшит на заказ, определил сразу, а это удовольствие не из дешёвых. И ткань отнюдь не полусинтетическое фуфло, что продаётся в магазинах готовой одежды. Хорошая, дорогая шерсть.

Смущало разве что место, где мы сидели: серое, скучное помещение, в котором глазу не за что зацепиться. Очень похоже на кабинет следака, куда меня таскали почти каждый день. Слава богу, тот кошмар остался далеко позади.

Может, Катин отец действительно в меня стрелял, но промахнулся? Это я могу гарантировать, поскольку

ни одного лишнего отверстия в себе не ощущаю... Я типа свалился без сознания. (Уж простите, но не каждый день тебя приходят убивать, могу позволить себе роскошь несколько подзабыться.)

Если продолжить логическую цепочку, я пока не отошёл от состояния аффекта, поэтому не до конца вкуриваю, как и куда, собственно, попал. С большой вероятностью сижу сейчас где-нибудь в Следственном комитете. С минуты на минуту отец обо всём узнает, примчится сам и прихватит с собой адвоката. Есть у него парочка зубастых...

Вот Катиного отца жалко. Он и так дочку потерял, а теперь его гарантированно закроют. Может, потолковать со следователем? Я жив, пусть дадут по минималке, а то и вовсе условное. Мужик, конечно, не прав на все сто, однако зла я на него не держу. Не приведи господь оказаться на его месте. Просто жуть. У меня бы стопудово крыша поехала.

Конечно, вряд ли он успокоится. Катя рассказывала, он в прошлом боевой офицер, голыми руками убивал. За плечами куча горячих точек. Такое бесследно не проходит, многих потом, на гражданке, клинит.

Ничего страшного. Всё-таки он Катин отец. Даже если снова захочет свести со мной счёты, свалю за бугор, в конце концов, всё к этому и шло. И больше мы никогда не увидимся. Если повезёт, менты найдут настоящего убийцу. Но что-то я в такое слабо верю.

— Я понимаю, вам есть о чём задуматься, — вздохнул мужчина. — Быть может, поэтому вы не расслышали фразу, которую просил передать через меня ваш отец. Он сказал: «Прости, Толя!»

— Передали — спасибо, — буркнул я. — А что, отец не мог лично сказать или позвонить? Или так замотался со своей новой пассией, что ему совсем стало не до меня?

После развода с мамой мой родитель пустился во все тяжкие. Каждая новая избранница была всё моложе и моложе, такими темпами могло в скором будущем дей-

ти и до школьниц. Во всяком случае, с моей однокурсницей он уже успел закрутить роман.

Взгляд мужчины стал напряжённым.

— Разумеется, ваш отец не мог этого сделать. Он же официально отказался от вас и объявил, что вы больше не член семьи.

Моя челюсть едва не упала на пол.

— Че-е-его?! — только и смог вымолвить я.

Папа, при всей его куче недостатков, во мне души не чаял. Он сразу поверил, что я не убивал Катю, и пустил в ход все свои связи и влияние, чтобы спасти меня от несправедливого приговора. Выложил целое состояние, чтобы вытащить меня из тюрьмы. А теперь, видите ли, отказался от меня! Какого хрена и как это вообще может произойти? И что это вообще означает?

— Это было вынужденное решение, — вздохнул собеседник. — Вы сами понимаете: выбора у него не осталось. В противном случае он бы потерял место в Сенате.

Тут я охренел ещё больше. Да, отец — крутой бизнесмен и постоянно мутит то с мэром, то с губернатором, но чтобы его взяли в Совет Федерации к Матвиенко?! Да ну нах! Он скорее станет вторым Илоном Маском... Тут одних денег и папиных связей недостаточно.

— Уважаемый, — заговорил я, собравшись с мыслями, — а вы ничего не путаете? Что-то не припоминаю, чтобы мой отец и родитель заседал в Сенате...

Собеседник усмехнулся.

— Согласен, статус вашего отца позволял ему иногда манкировать обязанностями, но семья Ланских всегда была представлена в Сенате. Конечно, прошли те времена, когда ваш род мог позволить себе куда больше, после известных событий вы многое потеряли, но одну из последних привилегий — место в Сенате — ваша фамилия сохранила.

Я взорвался:

— Слушайте, какого хрена вы вешаете мне лапшу на уши? Какой чертов, Сенат, какой чертов отказ? Я хочу позвонить моему отцу, и точка!

— Очень жаль, Анатолий, но звонки вам запрещены.

Вдох, выдох... На тренировках сенсей учил нас успокаиваться и собираться с мыслями. Ещё он много лил в уши про духовные практики и медитации, но меня эта эзотерика никогда не интересовала. Всё, что мне было нужно, научиться бить морды обидчикам. Остальное — мистическая чушь. Жизнь приучила меня реалистично смотреть на вещи.

— Звонки, говорите, запрещены. И кто, интересно, мог запретить мне это делать? — спросил я, изобразив на лице презрительную усмешку.

— Вы, должно быть, невнимательно слушали надзирателя, — как-то отстранённо произнёс собеседник. — Он был обязан довести до вашего сведения все запреты. Пожалуй, имеет смысл сообщить об этом начальнику тюрьмы.

Я растерянно замигал глазами.

— Кому?

— Начальнику тюрьмы, господину Хвостовскому, — сказал он, но лучше от этого объяснения мне не стало.

Тюрьма... Какая тюрьма? Меня что, снова обвинили в Катином убийстве? Или шьют другое дело? Но почему тюрьма? Пока идёт следствие, меня должны содержать в СИЗО. В прошлый раз отцу не сразу удалось добиться, чтобы меня выпустили под залог, так что я успел сполна насладиться блатной романтикой.

Хотя, если честно, хоть в чём-то мне тогда повезло. Все знали, кто я такой, и потому ни о какой «пресс-хате» речи даже не шло. Для меня подобрали тихих «пассажи-ров»: двух бывших чиновников, проходивших по делам о взятках в особо крупном размере. Они оказались мужиками в возрасте, были в курсе, что у меня за папка, и отношения у нас сложились вполне нормальные. Я бы даже сказал, добрососедские. Никаких тебе «прописок», «вечер в хату — часик в радость», предъяв, чифиря и прочей лабуды.

Снова вдох и выдох, причём глубокие вдох и выдох, чтобы прийти в себя.

— Извините, запамятовал, как вас зовут...

— Станислав Сигизмундович, — с готовностью откликнулся собеседник.

Поляк, что ли? В принципе, почему нет, у нас в городе кого только нет: полный фарш, от китайцев до афроафриканцев. Только у меня на курсе четверо таких учились. Прикольные ребята, кстати.

— Станислав Сигизмундович, у меня что-то голова совершенно не соображает. Можете пояснить, что, собственно, приключилось и почему меня содержат в тюрьме? Мне казалось, что все обвинения с меня давно уже сняты... Или открыли какое-то новое дело?

Я постарался произнести эту фразу максимально корректно. Не хватало ещё, чтобы меня записали в психи и отправили в какую-нибудь Кашенко, или Кациенко... блин, вечно путаю эти фамилии.

— Боюсь, кто-то неправильно вас информировал. — Взгляд поляка стал суровым. — Ни о каком снятии обвинений речи даже не могло идти. Шутка ли, речь идёт об убийстве сразу пяти верноподданных его величества, да ещё и совершённых при помощи магии! — Его голос вдруг загремел, Станислав Сигизмундович стал похож на телевизионного диктора: — Сам государь император следил за этим процессом. Вам повезло, что он давно отменил смертную казнь для высшего дворянства, но, поверьте, двадцать пять лет тюрьмы строгого режима... Некоторые предпочитают смерть. Вам будет очень тяжело, Анатолий. Примите приговор его величества с мужеством.

Я понял, что ещё немного, и упаду со стула.

Глава 2

Похоже, я сошёл с ума. Какие-то пять трупов, какая-то магия, император... Четвертак тюремного заключения...